

УДК 327.82

**ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ «ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ»
НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ,
ТАКТИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ**

Колобов О. А.

*Нижегородский госуниверситет им. Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
E-mail: kolobov@imoti.unn.ru*

Хохлышева О. О.

*Нижегородский госуниверситет им. Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
E-mail: khokhlysheva@imoti.unn.ru, pravo@imoti.unn.ru*

Анализируются особенности положения Ближнего Востока в современном мире. Специальный акцент сделан на изучении особенностей восприятия региона представителями великих держав в исторической ретроспективе. Для рассмотрения данного вопроса используются сравнительный и историко-описательный методы. Выявляются конкретные причины и последствия устойчивого стратегического интереса великих держав к Ближнему Востоку. Объясняются возможности нового подхода к региону со стороны современной России. Дается анализ архивных материалов, проливающих свет на действия великих держав по отношению к Ближнему Востоку в ретроспективе и ближайшей перспективе. Рассматриваются новая концепция внешней политики России и возможности ее реализации на Большом Ближнем Востоке в обозримом будущем. Характеризуются новые технологии политических действий Российской Федерации в ближневосточном регионе с учетом фактора миротворчества и создания нормальных условий жизнедеятельности стран и народов Большого Ближнего Востока. Анализируются всевозможные обстоятельства ближневосточного конфликтогенеза. Сопоставляются конкретные усилия Российской Федерации по обеспечению международного мира и безопасности с политикой других великих держав в регионе. Дается оценка расширительного толкования Большого Ближнего Востока в современной мировой политике. Делается попытка четко определить стратегические цели и охарактеризовать закономерности тактических действий российского правительства в рамках всей ближневосточной территории. Определяется необходимость расширения русского присутствия не только на Большом Ближнем Востоке, но и в других турбулентных зонах. Максимально учитывается необходимость последовательности действий эффективной кризисной дипломатии и многостороннего сотрудничества Российской Федерации не только в регионе, но и во всем мире.

Ключевые слова: внешняя политика, стратегия, тактика, великие державы, ближневосточный конфликт.

Политика России на Ближнем Востоке в широком историческом континууме требует особого внимания. От правильного анализа ее закономерностей и особенностей во многом зависит конкретное развитие региональной ситуации, затрагивающей судьбы миллионов людей, долгое время испытывающих бедствие. При этом чрезвычайно важно четкое смысловое обоснование современных российских политических действий по собственной шкале геополитических ориентиров и цивилизационных ценностей. К сожалению, именно данного качества

собственного, оригинального российского восприятия стратегического значения Ближнего Востока нет. Оно представлено лишь англосаксонской доминантой. Об этом свидетельствуют многие обстоятельства, которые необходимо максимально учитывать на уровне планирования современной российской внешней политики. В основу настоящего объяснения специфики действия великих держав, и прежде всего США, с максимальным учетом фактора России, разумеется, положен сопоставительный анализ. Использовано множество оригинальных архивных документов, четко объясняющих многие причины всевозможных кризисных коллизий в далеком прошлом и настоящем. Термином «Ближний» или «Средний» (англ. middle) Восток в западноевропейских и американских официальных документах, дипломатической переписке, научной литературе, публицистике обычно обозначается географический регион, расположенный на стыке Европы, Азии и Африки и включающий сейчас территории Израиля, Ливана, Сирии, Иордании, Ирака, Ирана, Турции, Египта, Йемена, Саудовской Аравии, Судана, а также других стран. Данное понятие часто имеет расширительное толкование, что чаще всего связывается с изменениями геостратегических задач США и их союзников. «Не существует какого-либо стандартного пограничного размежевания, – отмечается в одном из официальных документов госдепартамента, – по которому Ближний Восток мог бы быть точно обозначен географически. Все его страны, а не только окраинные земли оказываются включенными или исключенными из общности произвольно, причем с удивительной легкостью. Значение термина зависит от его конкретного употребления и может быть отнесено к любой части планеты в манере, схожей с тем, когда кто-либо просто тычет пальцем в карту» [3, с. 21]. Своим происхождением словосочетание «Ближний Восток» обязано американскому адмиралу А. Мэхэну. Будучи известным военно-морским историком, А. Мэхэн в 1900–1902 гг. разработал теорию «сдерживания» России как «великой континентальной державы» путем создания блока «морских держав» под эгидой США и выступил за включение обширной области с центром близ Персидского залива, специально обозначенной им в качестве «Near East» (то есть, собственно, Ближнего Востока), в число регионов, «жизненно необходимых» для Запада. Эта идея легла в основу американского глобального моделирования, до сих пор имеющего целью утверждение безраздельного господства США на планете в рамках т. н. Рах Америгана (мировой американской империи). Она в первую очередь предусматривала установление контроля Соединенных Штатов над кратчайшими коммуникациями между Европой, Азией и Африкой [11; 13]. «Ближний Восток, – пишет известный американский военный аналитик Б. Палмер, – относится к наиболее стратегическим регионам в мире не только из-за его геополитической позиции. Важнейшие мировые воздушные и морские маршруты проходят через территорию, составляющую мост между евразийским массивом и африканским континентом. Высока значимость Ближнего Востока и в культурном, историческом, религиозном отношениях. Он является родиной западной цивилизации, здесь находятся Иерусалим и Мекка – символические центры трех основных религий – христианства, иудаизма, ислама. Регион, обладая большим энергетическим потенциалом, является жизненным для большинства индустриально развитых держав мира и решающим для амбициозных

устремлений многих развивающихся наций» [3, с. 22]. Приведенная шкала оценок достоинств и возможностей Ближнего Востока в мировой политике приобрела стереотипные черты, характерные для западноевропейской и американской историографии. В последних экспертно-аналитических публикациях США она дополняется лишь констатациями консолидации усилий нации по защите безопасности Запада, предотвращению реальной угрозы Соединенным Штатам со стороны радикальных антизападных идеологий и регионов, а также обеспечению США свободного доступа к ресурсам где бы то ни было [9; 14]. Это отражает все возрастающее желание американских правящих классов как-то оправдать широкомасштабную экспансию в различных областях планеты, удаленных от берегов Северной Америки на многие тысячи миль, и обеспечить для США долгосрочное функционирование на мировой арене в качестве единственной супердержавы, что стало возможным после демонтажа Советского Союза, который долгие годы сдерживал имперские амбиции Вашингтона. Неслучайно Ближний Восток включен пунктом № 2 в шкалу жизненных американских геополитических интересов на современном этапе, предполагающих: «1) защиту сухопутных, морских и воздушных границ нации; 2) предотвращение доминирования в Европе, Азии или Персидском заливе какой-либо враждебной державы; 3) протекцию доступа к рынкам и свободной торговли; 4) свободный доступ к ресурсам; 5) защиту американцев от таких личных (персональных) угроз их жизням и благополучию, как терроризм и распространение наркотиков» [3, с. 22]. Начало интенсивной коммерческой и дипломатической деятельности Соединенных Штатов в ближневосточном регионе восходит ко второй половине XVIII в. Оно ничем не отличалось от той агрессивной политики, которую США предприняли в Западном полушарии сразу же после своего образования в 1776 г. Предприимчивые купцы из Бостона и Нью-Йорка торговали со странами Ближнего Востока начиная с 1767 г. В 1774 г. Континентальный конгресс установил дипломатические отношения со Священной Портой. Администрация президента США Джорджа Вашингтона в 1792 г., подписав соответствующий договор и предусмотрев интенсивные торговые мероприятия, признала независимость Марокко. В 1801–1805 гг. США уже всерьез конфликтовали с т. н. «варварскими» государствами северо-африканского побережья Средиземного моря: Алжиром, Тунисом, Триполи, попытавшимися воспрепятствовать расширению сферы влияния американских купцов на Ближнем Востоке. С того времени для «защиты» своих интересов, они стали постоянно держать в Средиземноморье эскадру из четырех кораблей, ставшую предшественницей нынешнего Шестого американского флота. Через десять лет госсекретарь США Генри Клей организовал обучение группы молодых людей из числа американских моряков турецкому, арабскому и другим восточным языкам при американских консульствах в Тунисе, Триполи, Алжире, что свидетельствовало об усилении внимания США к ближневосточному региону, который стал рассматриваться американскими правящими кругами в качестве особо перспективного. Тогда же на Ближнем Востоке появились первые американские протестантские проповедники. В 1820 г. в Смирне обосновались Л. Парсонс и П. Финк с целью «дружественных действий во имя господина и счастья на земле» [3,

с. 23]. Их деятельность удачно дополняли американские путешественники. В 1834–35 гг. Д. Стивенс первым из своих соотечественников проплыл по Нилу от Асуана до Луксора, а затем совершил поездку по Синаю, оставив после себя увлекательные записки, опубликованные в двух томах и доставившие немалое удовольствие западным читателям. Протестантские миссии из США действовали на Ближнем Востоке посредством специально созданных учебных заведений, и прежде всего, таких, как колледж Роберта (осн. в 1863 г.), Американский университет в Бейруте (осн. в 1886 г.), Стамбульский женский колледж (осн. в 1871 г.), Американский университет в Каире (осн. в 1919 г.). Впрочем, их гуманитарные и просветительские усилия были полны противоречий. Таким образом, с одной стороны, на Ближнем Востоке происходило распространение знаний, поддерживалась и вновь утверждалась христианская мораль, с другой же – постепенно готовился новый узкий круг проамериканской, прозападной элиты, сразу же ставшей пренебрежительно относиться к традициям арабской культуры и постепенно противопоставившей себя коренному населению, что было весьма выгодно США для последующего успешного осуществления в ближневосточном регионе своих далеко идущих планов. Последние, впрочем, не были еще определены отчетливо, хотя стремление к превосходству ощущалось в каждом конкретном шаге любого американца на земле Ближнего Востока, будь то представитель торговых кругов, миссионер, дипломат или представитель спецслужб. Среди многочисленных представителей США, оказавшихся в странах Ближнего Востока в первой половине XIX в. и в последующие годы, были, конечно, и те, кто вдумчиво относился к особенностям местной культуры, прекрасно знал арабский язык и смог донести правду об обычаях аборигенов общественному мнению Запада, как, например, В. Тейлор или Г. Блисс, но они явно оказались в меньшинстве. Данное обстоятельство впоследствии во многом предопределило искаженное восприятие реалий Ближнего Востока политическими и государственными деятелями, бизнесменами и журналистами стран Запада, соответствующим образом сказавшись на формировании региональной политики и дипломатии США. «Американское миссионерство, – пишет по этому поводу индийский исследователь М. Джансен, – подчеркивало те социальные и материальные выгоды, которые может обеспечить протестантская этика. Позже либералы назвали данный конверсионный процесс вестернизацией. Вестернизованный местный житель был хорошим арабом и был тепло встречен и защищен, но ему было уготовано свое место. Невестернизованный житель Ближнего Востока был плохим арабом, или просто арабом, и третирировался с жестокостью. В своем подавляющем большинстве американская враждебность была направлена против независимых лидеров арабского мира» [3, с. 24]. Таким образом осуществлялась предварительная обработка коренного населения стран Ближнего Востока и готовилась почва для последующих эффективных правительственных и общественных мероприятий США в регионе с учетом экономического роста американского государства и расширения сферы американского политического влияния в мире. Со второй половины XIX в. такие крупные монополии Соединенных Штатов, как Нью-Йоркская «Стандард Ойл Компани», стали торговать керосином в различных провинциях Османской империи. Американская торговая палата, открыв

главный филиал в Константинополе и отделения в Салониках, Смирне, Бейруте и Каире, активно содействовала экспортерам и импортерам из США в расширении связей с ближневосточными государствами. Через многочисленных торговых агентов бизнесмены из Соединенных Штатов скупали в Малой Азии высококачественный турецкий табак, солодковый корень и другие товары. В начале XX в. избыточный капитал из Соединенных Штатов устремился в самые различные отрасли хозяйства Турции, Ирана, Ирака, конкурируя с капиталом Германии, Англии, Франции. Одна из первых попыток США вложить значительные денежные средства в экономику Османской империи была связана с поездкой адмирала К. Честера в Турцию в 1908 г. в качестве представителя Нью-Йоркской торговой палаты для переговоров с султаном о железнодорожной и нефтяной концессиях. Султан дал принципиальное согласие на предоставление американцам железнодорожной концессии. Осуществление проекта, однако, затянулось. Вокруг строительства развернулась ожесточенная борьба капиталистов Англии, России, Франции и Германии. Европейские державы оказали на турецкое правительство сильное давление, и Соединенные Штаты вынуждены были отступить. Через три года США, однако, получили от турецких властей семь концессий на разработку нефти в пустыне Негев в Палестине. «С того времени, – пишет советский историк П. Осипова, – правительство США стало играть видную роль в международной борьбе за нефть, в первую очередь за нефть Ирака, а позднее во всех дипломатических контроверзах по поводу ближневосточных мандатов».

Повышение деловой активности Соединенных Штатов на Ближнем Востоке явилось закономерным следствием превращения их к началу Первой мировой войны в державу, не имевшую себе равного соперника в темпах развития и уровне капитализма. После англо-франко-израильской агрессии против Египта осенью 1956 г. формально было объявлено, что главное для 6-го флота – быть в боевой готовности в случае трансформации событий в большую конфронтацию защитить и эвакуировать американских граждан из Египта и других активных стран Ближнего Востока, избегать вовлечения в локальные столкновения, но пытаться умиротворить враждующие стороны. Фактически же американские корабли до сих пор выполняют функции гибкого инструмента дипломатии Соединенных Штатов, предназначенного для шантажа народов ближневосточного и средиземноморского регионов и обеспечения широкомасштабной деятельности транснациональных монополий, сильно влияющих на правительственную экономическую политику США в сторону сближения и взаимной интеграции на Ближнем Востоке западноевропейских стран, США и Японии. «Наша взаимозависимость, – говорил в 1975 г. госсекретарь США Г. Киссинджер, – является фактом, и Ближний Восток имеет большие возможности в глобальной экономике. Односторонние действия по продвижению вперед национальных интересов не будут служить интересам ни одной нации, если результатом будет ослабление мировой экономики. Все мы должны осуществлять нашу политику таким образом, чтобы направить ее на усиление глобальной мощи и стабильности» [3, с. 27]. Таким образом, национальные экономические интересы США на Ближнем Востоке объявлены неотъемлемой частью глобальных экономических интересов ведущих индустриальных держав, если под этими

интересами понимать полную готовность обеспечивать максимальные льготы и привилегии транснациональным корпорациям, трестам и банкам, зачастую требующим осуществления правительством США акций, отнюдь не выгодных большей части населения этой страны. При этом взаимозависимость западноевропейских стран, Японии и США усиливается, но действия американских правящих кругов по отношению к странам Ближнего Востока по-прежнему рассчитаны, прежде всего, на применение грубой военной силы и экономический диктат. Это сопровождается распространением западной идеологии в форме протестантизма и иудео-христианских моральных ценностей, что ведет к неуклонному росту антиамериканских и антиизраильских настроений, запутывая положение в регионе еще больше [7; 12]. «На Ближнем Востоке, – подчеркивал в 1979 г. бывший заместитель начальника генерального штаба армии США генерал М. Тейлор, – нам необходима прочная военная основа, которая включала бы силы общего целевого назначения, способные обеспечить военное превосходство, уверенный контроль морских путей, связывающих США с главными союзниками и основными морскими рынками, силы быстрого реагирования, состоящие как минимум из четырех дивизий, готовых к немедленной отправке за рубеж и способных без особых усилий предотвратить распространение здесь международного терроризма» [3, с. 28]. Экспансионистские устремления США в регионе, обеспечиваемые столь жесткими несущими конструкциями, предопределили преимущественную ориентацию на государства, готовые к выполнению функций «младших партнеров» и «стратегических союзников». Одним из таковых для американских правящих кругов на Ближнем Востоке стало государство Израиль, образованное 14 мая 1948 г. на территории Палестины. В одном из секретных документов госдепартамента от 1 июля 1948 г. об интересах США в этой стране говорилось следующим образом: «С политической точки зрения мы допускаем, что Палестина совместно с соседними странами будет главным фактором в любом будущем конфликте в регионе и потому должна стать территорией жизненной важности для США в качестве потенциальной базы по отношению к нашим линиям коммуникаций. С экономической точки зрения наша торговля здесь, если исключить торговлю нефтью на Ближнем Востоке, не так уж важна» [3, с. 28]. Таким образом, США сразу же решили использовать Палестину в той ее части, где был создан Израиль, прежде всего как плацдарм стратегического порядка. Данный аспект целевого назначения «единственно верного союзника» Соединенных Штатов в регионе оказался наиболее стабильным. «При наличии большой угрозы установления коммунистической тирании где-нибудь на Ближнем Востоке, – отмечалось в меморандуме администрации президента США, подготовленном для конгресса по случаю включения Израиля в программу «Американской помощи по взаимной безопасности» в 1951 г., – Израиль является бастионом мировой демократии». Аналогичное подтверждается данными многочисленных правительственных документов США по Ближнему Востоку периода 50-х – начала 90-х гг. «Продолжающаяся поддержка Израиля, – заявил член палаты представителей от штата Нью-Йорк в конгрессе 96-го созыва Г. Фиш в 1980 г., – а также признание его значения интересам стратегии и безопасности нашей собственной страны в этом

терпящем бедствие регионе мира, являются константой всей нашей внешней политики» [3, с. 28–29]. Данное обстоятельство оказалось настолько важным для избранного осенью 1992 г. президентом США демократа Б. Клинтона, что тот сразу же счел необходимым публично объявить о своем стремлении следовать в отношении Израиля традиционным для американских правящих кругов курсом, поставив во главу угла обеспечение качественного военного превосходства Израиля над потенциальными противниками. Следует отметить, что США всегда стремились использовать Израиль в качестве «местной» силы, способной играть роль «передовой линии защиты» своих интересов на Ближнем Востоке. Данное желание непременно находило положительный отклик правящей израильской верхушки, внешнеполитический курс которой был направлен на захват новых арабских земель. Отсюда тенденция к координации действий двух держав в регионе, прежде всего в тех конкретных случаях, когда, по словам бывшего израильского министра иностранных дел А. Эбана, «...первостепенную важность приобретает мощь Израиля, его способность сдерживать враждебных соседей с помощью военной силы» [3, с. 29]. Неслучайно государство Израиль зачастую рассматривается американскими правящими кругами в качестве основного союзника и «центрального элемента противодействия» любому противнику Запада на Ближнем Востоке. «Сильные израильские военно-морские и военно-воздушные силы, – свидетельствовал в 1977 г. бывший начальник разведки ВВС США генерал Дж. Киган, – создают наиболее важное зонтичное прикрытие для Соединенных Штатов в этой части мира. Разведанные, предупреждения и сведения контрразведки, сообщенные Израилем США, столь необходимы, что не могут быть даже оценены в долларах... Израильские спецслужбы составляют, на мой взгляд, основной элемент безопасности Запада в ближневосточном регионе» [3, с. 29]. Поэтому военно-стратегические расчеты США на Ближнем Востоке до сих пор не исключают интеграции Израиля в систему НАТО. Ранее допуск «младшего партнера» США в ведущий западный военно-политический блок на правах действительного члена аргументировался тем, что это сильно ускорит выработку объединенной политики стран Западной Европы и США в связи с «...перемещением центра американско-советского противоборства из Европы в ближневосточный регион» [3, с. 29]. Сейчас, когда Советский Союз исчез с политической карты мира, вступление Израиля в НАТО объясняют острой потребностью жесткого блокирования оставшихся тоталитарных антизападных режимов на Ближнем Востоке и в сопредельных стратегически важных и богатых природными ресурсами областях. Израиль к тому же продолжает считаться правящими кругами США основным пропагандистом западной идеологии в ближневосточных странах. «Хочет кто этого или не хочет, – пишет по данному поводу американский исследователь А. Вильдавски, – но Израиль существует для Запада и благодаря ему. В своем развитии он чувствует себя, пахнет и выглядит как западная страна... В отличие от Вьетнама, Кореи или Анголы Израиль составляет не часть периферии, а сердцевину Запада. К лучшему или к худшему, он является нашим. Американский национальный интерес в Израиле, безопасность и процветание Израиля заключаются в том, что любой моральный аргумент, осуждающий Израиль, относится в равной степени и к Соединенным Штатам, а

любой культурный аргумент против Израиля имеет отношение ко всей западной цивилизации» [3, с. 30]. Бывший директор международного совета еврейской общественной организации «Б'най Б'рит» Г. Эдельберг полагал, в свою очередь, что выживание Израиля затрагивает каждый нерв американской исторической цепи и жизненно воздействует на нахождение Америки в семье наций (государств). «Если американское умение и мощь в защите такой страны против советских империалистических намерений на Ближнем Востоке окажутся недостаточными, – предостерегал он в 1977 г., – то это будет началом конца для свободного мира» [3, с. 30]. Данные утверждения, конечно же, не лишены максимализма, но остается фактом постоянная особая роль Израиля в любых планах «вестернизации» ближневосточного региона, предлагаемых Соединенными Штатами мировому сообществу. Она заключается в том, чтобы скоординировать подрывную работу идеологических центров Запада, спецслужб США и разведподразделений реакционных международных организаций, обслуживающих транснациональные корпорации, тресты и банки по размытию арабских национальных традиций в регионе, недопущению арабского антиимпериалистического единства, установлению барьеров на пути проникновения в регион обновляющейся России после демонтажа Советского Союза. «Израиль, – утверждалось в одном внешнеполитическом документе конгресса США 1977 г., – сегодня выступает не только в качестве наилучшего гаранта против советской безответственности на Ближнем Востоке. По иронии судьбы он является единственным гарантом арабских прав индивидуальной безопасности на Ближнем Востоке. Арабские граждане многих стран региона, не имеющие прав голоса и позиций в правительстве, убеждены в том, что они не будут вовлечены в войну вновь до тех пор, пока Израиль поддерживает достаточно высокий уровень своей мощи» [3, с. 30]. Вообще значение Израиля и израильского лобби в США сложно переоценить: большинство шагов по урегулированию палестинской проблемы согласовываются с Тель-Авивом [5; 15]. Только в недавнее время американские президенты стали требовать от Израиля соразмерных уступок: в случае с Дж. Бушем-младшим предварительным условием этих уступок стала демократизация Палестины (заведомо невыполнимая цель с учетом условий жизни в провозглашенном и частично признанном государстве), а при Б. Обаме Вашингтон не слишком настойчиво продвигал свои требования, действуя с оглядкой на произраильское республиканское большинство в обеих палатах Конгресса [2; 8]. Американские правящие круги по-прежнему намерены использовать «сильный в военном отношении» Израиль для принуждения «инертных» арабов к положительному восприятию западного опыта в экономике, государственном строительстве, образовании, культуре. Залогом успеха совместных специальных операций объявлена политическая стабильность развития израильского государства в контрасте с трудноуправляемыми процессами во многих других ближневосточных странах. «Если будущее политических структур и ориентации в политике Омана, Сомали, Кении, Египта и Турции, – отмечается в аналитическом докладе Комитета по американо-израильским отношениям «Стратегическая ценность Израиля», подготовленном С. Розеном в 1982 г., – являются субъектом радикальных изменений, то основные политические структуры и политика Израиля являются стабильными и

предсказуемыми и воздействуют к тому же на региональную безопасность. Практически все израильские руководители в основных политических партиях поддерживают укрепление роли Соединенных Штатов в регионе, усиление способности отразить советскую агрессию и обретение возможностей применения Соединенными Штатами силы в поддержку данных целей. Лидеры обеих ведущих израильских партий подписались под документом, определяющим стратегический допуск США к соответствующим соглашениям на определенных условиях» [3, с. 31]. Вовлеченность Израиля во многие аспекты внешнеполитической деятельности и дипломатии США на Ближнем Востоке после Второй мировой войны в качестве своеобразного младшего, но равного партнера, а затем и превращение его в важного стратегического союзника дают веское основание утверждать о наличии «оси Тель-Авив – Вашингтон», которая объединяет в единое целое всю совокупность разнообразных интересов Соединенных Штатов и их сателлитов на обширной территории к востоку и западу от Суэца. Совместные действия Израиля и США поэтому выглядят вполне естественно в контексте т. н. *islamopolitik*, первые шаги в осуществлении которой были сделаны американскими правящими кругами во время кризиса в Иране в 1979–1980 гг. и связанного с заложниками из числа граждан США. Тогда США, полагаясь на «бронированный кулак» Израиля, стали действовать активно, чтобы даже географически страны прогрессивной ориентации в регионе оказались зажатыми в плотные тиски прозападных «умеренных» государств. Предполагалось, что союз Соединенных Штатов, Египта, Израиля, Саудовской Аравии, Судана и некоторых других стран может привести к рабочему миру, гарантирующему, в свою очередь, сохранность нефтепромыслов и определенные цены на нефть. Желаемого, однако, достичь не удалось. Истинные интересы США на Ближнем Востоке всеобъемлюще раскрыла операция «Буря в пустыне», осуществленная администрацией Дж. Буша против Ирака в 1991 г. Парадоксом событий тех дней явилось лишь сотрудничество с США Советского Союза на грани своего краха, который усугубила не только перестройка, начатая М. Горбачевым, но и «забота» новых «партнеров» некогда великой державы, способной проводить самостоятельную политику в регионе и имевшей много друзей в арабском мире. Оценивая кризис в Персидском заливе осенью 1990 г., госсекретарь США Дж. Бейкер подчеркнул, что «ключевым элементом стратегии является американское лидерство над глобальным альянсом, который изолирует Ирак – политически, экономически и в военном отношении» [3, с. 31]. Таким образом, американские правящие круги пытаются максимально выгодно для себя использовать объективно сложившиеся предпосылки формирования взаимосвязанного, во многом противоречивого, но единого мира. Коалиция наций при руководстве США под эгидой ООН образовалась, но ее цель при этом нивелировалась лишь по шкале узкокорыстных имперских интересов американских правящих кругов, добивающихся «свободного доступа» к любому источнику сырья на планете. Средство оказалось довольно примитивным: использование грубой военной силы Соединенными Штатами в конфликте с Ираком лишь усложнило и без того непростую ситуацию в регионе [6; 10]. «Американская ближневосточная политика, – пишет в этой связи заместитель директора отдела исследований внешней политики Фонда наследия Дж. Филлипс, – стала

анахронизмом. Так же, как и в других частях света, традиционный подход к Ближнему Востоку завершается с окончанием холодной войны и дезинтеграцией Советского Союза. Сдерживание экспансии советской мощи и влияния на Ближнем Востоке было с 1947 г. главным приоритетом ближневосточной политики Соединенных Штатов одновременно с гарантированием допуска Запада к нефти Персидского залива, упрочением безопасности Израиля, наиболее преданного американского друга, а также установлением хороших рабочих отношений с умеренными арабскими государствами. В долгосрочной перспективе первая линия обороны США против недостатка нефти будет находиться именно на свободном рынке, а не полях военных сражений» [3, с. 32–33]. Вполне может случиться, что так оно и будет. Но пока Вашингтон стремится опереться в ближневосточном регионе исключительно на грубую военную силу, о чем свидетельствуют ставшие постоянными налеты на Ирак. США взвалили на себя нелегкое бремя единственной супердержавы в мире, сохранив практически все традиции экспансионизма, агрессии, глобализма. Более того, они усилили опасные тенденции силового реагирования на любое препятствие своим национальным интересам как в целом во всем мире, так и на Ближнем Востоке в особенности. Пример с Ираком наглядно демонстрирует, какие действия будут предпочтительны для США в случае очевидной антиамериканской и антизападной позиции любой отдельной страны, в том числе и России. Факты свидетельствуют, что на протяжении всего периода нового и новейшего времени динамика интересов США в ближневосточном регионе всецело соответствовала экономическому росту американского империализма и усилению политического влияния США в глобальном масштабе. Соединенные Штаты проникли на Ближний Восток позже Великобритании и Франции. Они утвердились здесь, максимально выгодно используя сложившуюся экономическую и политическую конъюнктуру, затем долго следовали в фарватере колониальной дипломатии Великобритании. После Второй мировой войны Соединенные Штаты смогли вытеснить с Ближнего Востока практически всех своих конкурентов. Но победа оказалась пирровой. США увязли в разрешении всевозможных региональных споров, из которых наиболее существенными явились арабо-израильский конфликт и палестинская проблема, замкнувшие на себе наиболее сложные региональные и глобальные противоречия [1; 4]. Неслучайно с 1980 г. словосочетанием «Большой Ближний Восток» обозначается огромное политико-географическое пространство, включающее в себя помимо традиционных арабских стран такие государства как Иран, Турция, Афганистан, Пакистан, Туркменистан, страны Кавказа, а также мусульманские государства центрально-восточного региона и Магриба (Северной Африки). Данная дефиниция нередко коррелирует с термином «Новый Ближний Восток», введенным в оборот госсекретарем США К. Райс в 2006 г. для смыслового уточнения понятия «Большой Ближний Восток» с максимальным учетом национальных интересов и приоритетов Соединенных Штатов и Израиля. Изменение цитируемой политической фразеологии хронологически совпало с церемонией ввода в действие нефтяного терминала Баку – Тбилиси – Джейхан в Восточном Средиземноморье. Дефиниции не установились окончательно ввиду того, что, по мнению бывшего советника по национальной безопасности США Збигнева

Бжезинского, странами Нового Ближнего Востока должны стать Евразийские Балканы, Южный Кавказ (Азербайджан, Армения, Грузия) и Центральная Азия (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Туркменистан, Афганистан, Таджикистан).

Для Соединенных Штатов всегда было важным расширительное толкование обширной, стратегически важной и богатой природными ресурсами территории, в пределах которой необходимо во что бы то ни стало установить именно здесь контроль за всем и вся, вытеснив непременно за границы региона (нарочито невнятно обозначенные) любого конкурента. К наиболее значительным из таковых относится, разумеется, Россия. Главное американцами на Ближнем Востоке сделано: управляемый хаос в действии. Необходимый США антропоток в глобальном масштабе сформирован и нацелен, прежде всего, на Европу. Война распространилась повсеместно. Однако окончательному решению ближневосточного вопроса в глобальной политике по американской модели мешает Россия, стратегические интересы которой сформированы четко, а тактические действия по их реализации являются весьма эффективными. Россия, действуя в качестве глобального игрока, добилась признания своего авторитета многими странами мира. В связи с этим в утвержденной Указом Президента Российской Федерации № 640 от 30 ноября 2016 г. Концепции внешней политики Российской Федерации особо подчеркивается необходимость обеспечения настоящего верховенства права в международных отношениях. «Современный мир, – отмечается в этом важном документе, – характеризуется стремительным ростом уровня, расширением характера и географии таких имеющих трансграничную природу вызовов и угроз, как незаконное распространение оружия массового уничтожения и средств его доставки, неконтролируемый трафик оружия, нелегальная миграция, торговля людьми, незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, коррупция, морское пиратство, киберпреступность, глобальная бедность, изменение климата, а также угрозы в области продовольственной, экологической и санитарно-эпидемиологической безопасности». В Концепции подчеркивается необходимость коллективного ответа на существующие и новые вызовы, который должен осуществляться на основе конвергенции ценностей различных обществ и при сохранении координирующей роли ООН терроризма В частности, согласно тексту документа, для Российской Федерации чрезвычайно важны укрепление международной безопасности, коллективная борьба с терроризмом, осуждение терроризма во всех его формах и проявлениях. Россия выступает категорически против любого использования государством террористических организаций для достижения политических, идеологических или иных целей, применяя в соответствии с международным правом и российским законодательством все необходимые меры по предупреждению терроризма и противодействию ему, защите государства и своих граждан от террористических актов, борьбе с распространением идеологии терроризма, а также настойчиво стремясь к объединению всех государств, всего международного сообщества в целях борьбы с терроризмом без политизации и предварительных усилий в соответствии с уставом ООН, нормами и принципами международного права, исходя из того, что необходимо максимально консолидировать коллективные усилия под эгидой ООН в целях борьбы с

иностранными террористами-боевиками посредством блокирования любых форм материальной поддержки террористических организаций. На Большом Ближнем Востоке основной стратегической целью России вновь стало масштабное многопрофильное и повсеместное присутствие в регионе. При этом задача повышения статуса России как значимой внешней силы для основных региональных государств оказалась выполненной. Кроме данного обстоятельства, необходимо учитывать появившиеся у России новые возможности сдерживания и ослабления исламского экстремизма и радикализма, способных вдруг распространиться на стратегически важные земли по периметру юго-восточных границ бывшего СССР. Активизация современной российской политики на Большом Ближнем Востоке способна существенным образом изменить обстановку в регионе. Императивом непременно окажется всесторонняя поддержка тех сил, которые способны установить долгосрочные связи геополитического, экономического, культурного назначения со всеми умеренными ближневосточными представителями делового сообщества, а также многими государственными образованиями и политическими организациями, позитивно настроенными по отношению к РФ, которая уже вернулась в регион с четко обозначенной, концептуально выверенной долгосрочной стратегией, направленной на непереносимое достижение стабильности и процветания не только на региональном, но и глобальном уровнях. Главным является последовательность действий, эффективная антикризисная дипломатия и многостороннее сотрудничество в интересах всех людей доброй воли на планете. Российское лидерство, таким образом, приобретает весьма четкую обоснованность и логичность во всех аспектах жизнедеятельности не только Большого Ближнего Востока как стратегически важного и богатого природными ресурсами региона. Таким образом, вовлеченность РФ в события на Большом Ближнем Востоке становится не только фактором традиции, но и обстоятельством наиболее значительной геополитической инновации.

Список использованных источников и литературы

1. Бирюков Е. С. Этапы и инструменты внешней политики США на Ближнем Востоке // Международная жизнь. 2016. № 11. С. 85–104.
Biriukov E. S. Etapy i instrumenty vneshnei politiki SShA na Blizhnem Vostoke [Stages and tools of US foreign policy in the Middle East]. *Mezhdunarodnaia zhizn'*. 2016. № 11. С. 85–104.
2. Касаткин П. И., Ивкина Н. В. Личность президента как фактор формирования внешнеполитической повестки дня США (некоторые итоги президентства Б. Обамы) // Полис. Политические исследования. 2017. № 1. С. 125–135.
Kasatkin P. I., Ivkina N. V. Lichnost' prezidenta kak faktor formirovaniia vneshnepoliticheskoi povestki dnia SShA (nekotorye itogi prezidentstva B. Obamy) [President's personality as factor of US foreign policy formation (some results of B. Obama presidency)]. *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2017, № 1, pp. 125–135. (In Russian)
3. Колобов О. А. Соединенные Штаты Америки и проблема Палестины. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета, 1993. 223 с.
Kolobov O. A. Soedinennye Shtaty Ameriki i problema Palestiny [The United States of America and the problem of Palestine]. *Nizhnij Novgorod, Izdatel'stvo Nizhegorodskogo universiteta Publ.*, 1993. 223 p. (In Russian)
4. Курбанов М. А. США и Ближний Восток: маскировка старых идей или новый курс? // США и Канада: экономика, политика, культура. 2013. № 10 (526). С. 67–78.

Kurbanov M. A. SShA i Blizhnii Vostok: maskirovka starykh idei ili novyi kurs? [The USA and the Middle East: masking of old ideas or new course]. SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura, 2013, № 10 (526), pp. 67–78. (In Russian).

5. Лошкарев И. Д. Ресурсы этнического лоббизма во внешней политике США: теоретические аспекты // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 3. С. 76–83.

Loshkarev I. D. Resursy etnicheskogo lobbizma vo vneshnei politike SShA: teoreticheskie aspekty [Resources of ethnic lobbying in the US foreign policy: theoretical aspects]. Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia, 2017, vol. 61, № 3, pp. 76–83. (In Russian).

6. Примаков Е. М. Ближний Восток: дальнейшая милитаризация политики США // Свободная мысль. 2010. № 6 (1613). С. 137–150.

Primakov E. M. Blizhnii Vostok: dal'neishaia militarizatsiia politiki SShA [The Middle East: further militarization of US policy]. Svobodnaia mysl', 2010, № 6 (1613), pp. 137–150. (In Russian).

7. Суслов Д. В. Политика США по управлению «расширенным» Ближним Востоком // США и Канада: экономика, политика, культура. 2005. № 4. С. 72–89.

Suslov D. V. Politika SShA po upravleniiu «rasshirennym» Blizhnim Vostokom [US policy on governing the enlarged Middle East]. SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura, 2005, № 4, pp. 72–89. (In Russian).

8. Тарбаев С. А. Политика США на Ближнем Востоке при Джордже Буше // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». 2009. № 2. С. 71–78.

Tarbaev S. A. Politika SShA na Blizhnem Vostoke pri Dzhordzhe Bushe [US policy towards the Middle East under George Bush] // Vestnik Rossiiskogo universiteta Druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniia [PFUR Review. International relations], 2009, № 2, pp. 71–78. (In Russian).

9. Шумилин А. И. Политика США на Ближнем Востоке в контексте «Арабской весны». М.: Международные отношения, 2015. 336 с.

Shumilin A. I. Politika SShA na Blizhnem Vostoke v kontekste «Arabskoi vesny» [US policy towards the Middle East in the context of the Arab spring]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2015. 336 p. (In Russian).

10. Hunter R. E. US Interests and the Use of Force in the Middle East // The International Spectator. 2015. Vol. 50. № 4. Pp. 95–112.

11. Karim W. J. Stratagems and Spoils in US Policy in the Middle East // Globalizations. 2011. Vol. 8. Pp. 601–607.

12. Mady A. F. American foreign policy and peace in the Middle East // Contemporary Arab Affairs. 2010. Vol. 3. № 3. Pp. 271–296.

13. Simón L. Seapower and US Forward Presence in the Middle East: Retrenchment in Perspective // Geopolitics. 2016. Vol. 21. No. 1. Pp. 115–147.

14. Telhami S. The Stakes: America in the Middle East: The Consequences of Power and the Choice for Peace. Boulder CO, Westview Press, 2004. 214 p.

15. Terry J. J. US Foreign Policy in the Middle East: The Role of Lobbies and Special Interest Groups. London, Pluto Press, 2005. 176 p.

Kolobov O. A., Khokhlysheva O. O. Contemporary policy of the «Great Powers» in the Middle East: strategic goals and tactic actions

The article analyzes the features of the situation in the Middle East in the modern world. Special emphasis is placed on consideration of the peculiarities of the perception of the region by representatives of the great powers in historical retrospect. To put these peculiarities objectively, the author uses comparative and historical-descriptive methods. The article also reveals specific causes and consequences of the strategic interest of the great powers towards the Middle East. Later the author explains the possibilities of a new approach to the region on the part of modern Russia and presents the analysis of archival materials shedding light on the actions of the great powers in relation to the Middle East in retrospect and in the near future. This allows to consider a new Concept of Russia's foreign policy and the possibility of its implementation in the Greater Middle East in the foreseeable future. The article describes new technologies of political actions of the Russian Federation in the Middle East region, taking into account the factor of peacemaking and the creation of normal living conditions for the countries and peoples of the Greater Middle East. The specific peacekeeping efforts of the Russian Federation are compared – with the policies of other great powers in the region. This allow to forge the assessment of the broad interpretation of the Greater Middle East in contemporary world politics. Furthermore, an attempt is made to clearly define strategic goals and characterize the patterns of tactical actions of the Russian government within the entire Middle East territory. This preconditions the need to expand the Russian presence not only in the Greater Middle East as well as in other turbulent zones. The article underlines the importance of consistency in the actions of effective crisis diplomacy and multilateral cooperation of the Russian Federation in the region and throughout the world.

Keywords: foreign policy, strategies, geopolitics, tactics, Russian presence, conflict, Great Near East, «Great Powers»